

RU

Понятие «сердца» в византийской философии и культуре: исихазм Григория Паламы

Боровских Г. Е.

Аннотация. В статье осуществляется философско-антропологический и культурфилософский анализ учения о сердце в византийском исихазме на основе трудов Григория Паламы (1296-1359) с привлечением современных исследований литургической реформы и антиномического метода. Цель работы – эксплицировать онтолого-антропологический статус категории «сердце» в паламитской традиции и показать её роль в формировании восточно-христианской цивилизационной матрицы. Определяется место категории «сердце» в святоотеческой традиции, выявляется её связь с практикой «сведения ума в сердце» и роль в формировании «литургического человека». Исихастское понимание сердца как средоточия духовной, душевной и телесной жизни человека противопоставляется западной «метафизике разума». Научная новизна состоит в том, что антиномический метод Паламы впервые систематически применяется к философско-антропологическому анализу человека как «умно-сердечного» субъекта; кроме того, в исследование включается литургическое измерение исихазма, опровергающее миф об индивидуалистическом характере движения; на этой основе предлагается новая интерпретация исихазма как фундаментальной культурфилософской парадигмы, задающей цивилизационный код восточно-христианского мира. В результате установлено, что учение Григория Паламы о сердце представляет собой не только богословскую доктрину, но и фундаментальную философско-антропологическую парадигму, лежащую в основе восточно-христианской цивилизации. Практика «сведения ума в сердце» органично вплетена в литургическую жизнь Церкви и антиномически соединяет трансцендентное и имманентное, что имеет далеко идущие культурфилософские импликации.

EN

The heart in Byzantine philosophy and culture: the Hesychasm of Gregory Palamas

G. E. Borovskikh

Abstract. The article provides a philosophical-anthropological and cultural-philosophical analysis of the doctrine of the heart in Byzantine Hesychasm based on the works of Gregory Palamas (1296-1359), drawing on contemporary studies of the liturgical reform and the antinomic method. The aim of the work is to explicate the ontological and anthropological status of the category “heart” in the Palamite tradition and to demonstrate its role in shaping the Eastern Christian civilizational matrix. The article defines the place of the category “heart” in the patristic tradition, reveals its connection with the practice of “leading the mind into the heart” and its role in the formation of the “liturgical person”. The hesychast understanding of the heart as the center of the spiritual, psychic and bodily life of a person is contrasted with the Western “metaphysics of reason”. The scientific novelty lies in the systematic application of Palamas’ antinomic method to the philosophical-anthropological analysis of the human being as a “mind-heart” subject; in addition, the liturgical dimension of Hesychasm is included, refuting the myth of the individualistic character of the movement; on this basis, a new interpretation of Hesychasm as a fundamental cultural-philosophical paradigm that sets the civilizational code of the Eastern Christian world is proposed. As a result, it is established that the teaching of Gregory Palamas on the heart is not only a theological doctrine, but also a fundamental philosophical-anthropological paradigm underlying Eastern Christian civilization. The practice of “leading the mind into the heart” is organically embedded in the liturgical life of the Church and antinomically unites the transcendent and the immanent, which has far-reaching cultural-philosophical implications.

Введение

Актуальность темы обусловлена необходимостью переосмысления духовных основ византийской и русской цивилизаций в свете современных дискуссий о типах рациональности, антропологических моделях

и культурных кодах. В европейской философии сложились две основные парадигмы постижения бытия – «метафизика разума» (характерная для западного христианства и новоевропейского рационализма) и «метафизика сердца» (укоренённая в восточно-христианской, прежде всего византийской, традиции). Как отмечает Б. В. Марков, «сердце и разум – символы двух начал, двух глубочайших сил человека, которые мучительно противостоят, придавая тем самым динамичный, а подчас и трагический характер человеческому существованию» (1993, с. 3). Представление о сердце как глубинном символе духовной культуры пришло на Русь из Византии, где в рамках исихазма было разработано учение о «сведении ума в сердце» (Климков, 2018, с. 65-114). Однако до сих пор это учение анализировалось преимущественно в историко-богословском или психотехническом ключе, без систематического философско-антропологического и культурфилософского осмысления (Киприан (Керн), 1996; Мейендорф, 1997). Особенно это касается наследия Григория Паламы (1296-1359) – крупнейшего византийского исихаста, чьи «Триады в защиту священно-безмолвствующих» содержат развёрнутую антропологическую концепцию.

Дополнительный импульс к пересмотру традиционных интерпретаций исихазма дают современные исследования, показывающие, что исихасты не были индивидуалистами, пренебрегающими Церковью, а, напротив, выступили инициаторами масштабной литургической реформы (Getcha, 2022). Кроме того, философско-антропологический потенциал учения Паламы раскрывается через его антиномический метод, который позволяет говорить о человеке как об «антиномическом единстве» тела, души и духа (Zhukovskyy, 2023).

Материалом для исследования послужили «Триады» Григория Паламы (2003), святоотеческие тексты (Евагрий Понтийский, 1994; Иоанн Лествичник, 2008), а также современные работы по литургической реформе исихастов (Getcha, 2022), антиномическому методу Паламы (Zhukovskyy, 2023), антропологии исихазма (Жиртуева, Русакова, 2026; Фомин, 2025) и его культурному влиянию (Климков, 2018; Хоружий, 2016; Zozulak, 2021).

Задачи исследования:

- 1) реконструировать понятие «сердце» в философии Григория Паламы как онтолого-антропологическую категорию, выявив её отличие от эмоционального и интеллектуального центров;
- 2) проанализировать практику «сведения ума в сердце» как антропологический акт, формирующий целостного человека, с учётом её литургического контекста;
- 3) исследовать антиномический метод Паламы как ключ к пониманию антропологической и культурфилософской парадигмы исихазма;
- 4) выявить культурфилософские импликации исихазма для понимания восточно-христианской цивилизации, включая роль литургической реформы и антиномического метода.

Методы исследования:

- метод философско-антропологической реконструкции, позволяющий выявить онтологический статус и антропологическую функцию категории «сердце» в паламитской традиции;
- герменевтический метод анализа первоисточников («Триад» Паламы, святоотеческих текстов) для экспликации их понятийного содержания и логической структуры;
- компаративный метод, применяемый для сопоставления восточно-христианской «метафизики сердца» и западной «метафизики разума», а также для сравнения различных интерпретаций исихазма в современной литературе;
- антиномический метод, восходящий к святоотеческой традиции и эксплицированный Паламой, используется как инструмент анализа для выражения сверхрациональных единств (трансцендентное – имманентное, сущность – энергия, единое – множественное);
- культурфилософский метод, позволяющий интерпретировать исихазм как цивилизационную парадигму, определяющую культурные коды восточно-христианского мира.

Теоретической базой послужили труды отечественных и зарубежных философов и богословов (Бурханов, Никулина, 2025; Жиртуева, Русакова, 2026; Киприан (Керн), 1996; Климков, 2018; Марков, 1993; Мейендорф, 1997; Фомин, 2025; Хоружий, 1998; Getcha, 2022; Zhukovskyy, 2023; Zozulak, 2021), в которых содержатся методологические подходы к анализу исихастской антропологии и её роли в культуре.

Практическая значимость работы состоит в том, что её результаты (обоснование «метафизики сердца» как самостоятельной философской парадигмы, экспликация антиномической антропологии) могут быть использованы в курсах философской антропологии, философии культуры, истории византийской философии, а также для дальнейшего анализа духовных основ русской цивилизации.

Обсуждение и результаты

«Сердце» как онтолого-антропологическая категория в учении Григория Паламы

В византийской святоотеческой традиции, восходящей к Макарию Египетскому, Евагрию Понтийскому и Иоанну Лествичнику, «сердце» понималось не как метафора чувств или эмоциональный центр, а как глубинное средоточие всего человека – его духа, души и тела. Как подчёркивает Макарий Египетский, «сердце правит всем составом человека, и если благодать овладеет пажитями сердца, она царит над всеми помыслами и телесными членами; ведь и все помыслы души – в сердце» (Макарий Египетский, Беседа 15, 20 (Цит. по: Григорий Палама, 1995, с. 44)). Григорий Палама, систематизируя этот опыт, утверждает, что сердце является

«органом» встречи человека с божественными энергиями. В «Триадах» он пишет: «Ум через сердце пользуется телом как своим органом... Мы вводим ум ещё и внутрь его самого» (Григорий Палама, 1995, с. 45, 186). Тем самым Палама различает три уровня: рассудок как способность дискурсивного мышления; ум как высшую духовную способность созерцания; и сердце как место их единства и иерархического сосредоточения.

Философско-антропологический вывод, который следует из этого учения, состоит в том, что человек не сводим к рациональному субъекту. Его ядро – это умно-сердечное внимание, способное к непосредственному переживанию трансцендентного. Это альтернатива как античному логоцентризму, так и западноевропейскому дуализму разума и тела. Однако важно подчеркнуть, что сердце у Паламы – это не отдельная сущность, а энергийный центр. Подобно тому, как нетварные энергии Бога отличны от Его сущности, но неотделимы от Него, сердечное внимание есть «энергия» человека, через которую он участвует в божественных энергиях. Как поясняет В. Жуковский, анализируя антиномический метод Паламы, различие между сущностью и энергией в Боге является «реальным различием, которое существует “в самом природном порядке, то есть в бытии Бога”» (Zhukovsky, 2023, р. 697). Аналогично, в антропологии Паламы сердце как энергийный центр не тождественно ни телесному органу, ни психической функции, но является онтологическим узлом, где встречаются тварное и нетварное. Таким образом, антропология Паламы антиномична: человек одновременно тварен и причастен нетварному, его сердце – это точка встречи трансцендентного и имманентного. Как отмечает С. С. Хоружий, «сердце в словоупотреблении православной аскетики обозначает способность человека собирать всего себя в единый внутренний центр» (2016, с. 29). Это собирание не есть растворение личности, а, напротив, её конституирование как целостного субъекта богообщения.

Современные исследования подчёркивают, что такое понимание сердца имеет не только богословское, но и фундаментальное философско-антропологическое значение. О. С. Климков показывает, что «сердце является центральным символом, дающим ключ к вхождению в духовную реальность не только исихазма, но и всей православной мистики» (2018, с. 92). В. В. Фомин, анализируя антропологические взгляды Паламы, подчёркивает, что «по учению Григория Паламы, ум человека по своей природе является светом, и этот свет в некотором смысле является “родственным” (συγγενής) Богу» (2025, с. 405). Это означает, что сердечное познание не есть иррациональный порыв, но особая форма разумности, превосходящая дискурсивный рассудок и открывающая онтологическую глубину личности.

Практика «сведения ума в сердце» и литургическая реформа как антропологическое единство

Ключевая практика исихазма, представляющая собой «сведение ума в сердце», представляет собой психотехническую процедуру, направленную на достижение непрерывной молитвы (Мейендорф, 1997, с. 206-207). Однако в философско-антропологическом ключе она предстаёт как способ пересборки личности. Рассеянный во множестве мыслей и внешних впечатлений ум возвращается в сердечную глубину, обретая тем самым целостность, внимательность и способность к «умному деланию». Как пишет Палама: «Мы не только внутрь тела и сердца направляем свой ум, но ещё и внутрь его самого» (2003, с. 45). Это интеграция рассудка в более широкую структуру человеческого существа. При этом важно различать сущность ума и его энергию: «...одно есть сущность ума, а иное его деятельность» (Григорий Палама, 1995, с. 45). Сведение ума в сердце есть не пространственное перемещение, а изменение модуса его действия – переход от дискурсивного, рассеянного мышления к целостному, созерцательному вниманию.

Вопреки распространённому мифу, будто исихасты ограничивались индивидуальной молитвой в келье и пренебрегали литургией, современные исследования убедительно демонстрируют глубокую укоренённость сердечной практики в богослужбной жизни Церкви. Как показано Ж. Гетчем, уже Григорий Синаит в своём уставе предписывал отшельникам чередовать Иисусову молитву с псалмопением служб часов и чтением Священного Писания (Getcha, 2022, р. 2). Патриарх Филофей Коккин в письме монахам-отшельникам рекомендовал проводить время в молитве, псалмопении и чтении, упоминая богослужения в храме и чтение Псалтири в келье (Getcha, 2022, р. 3). Каллист и Игнатий Ксанфопулы в «Духовных главах» также настаивают на сочетании Иисусовой молитвы с совершением полунощницы, шестопсалмия, канона и других служб, указывая: «Пробудившись, прежде всего воздай хвалу Богу и, испросив Его заступничества, начни своё важнейшее дело – молиться в сердце чисто и без развлечения. Молись так около часа. <...> Затем пой полунощницу» (Цит. по: Getcha, 2022, р. 4).

Такая взаимосвязь не была внешним благочестивым дополнением. Сердце, понятое как энергийный центр встречи с Богом, требует постоянного освящения через евхаристическое причастие – объективный источник обожения. Именно поэтому исихасты придавали огромное значение литургической реформе, преобразовав богослужение всей Византийской церкви. Патриарх Филофей Коккин (ученик Паламы) и его последователи, в частности митрополит Киевский Киприан, заменили старый константинопольский «певческий чин» на неосавваитский типикон (Иерусалимский устав), практиковавшийся на Афоне. Этот типикон отличался большей аскетической строгостью, всенощными бдениями, строгим постом и частым причастием. Как подчёркивает Гетч, «возрождение савваитской традиции на Афоне шло рука об руку с исихастским возрождением XIV века. Затем последовало распространение исихастами “неосавваитского” типикона повсеместно в Империи и в “Византийском содружестве”» (Getcha, 2022, р. 7).

Всенощное бдение (агрипния) особенно почиталось как школа ночной молитвы, позволяющая непрестанно «бодрствовать сердцем». Каллист и Игнатий Ксанфопулы, цитируя Исаака Сирина, писали: «Дело поста и бдения есть начало всякого подвига против греха и похоти, особенно для человека, борющегося с внутренним

грехом» (Цит. по: Getcha, 2022, p. 8). Пост был усилен: вместо студийской практики послаблений в Великую субботу савваитский типикон предписывал лишь хлеб, вино и сухофрукты. При этом исихасты поощряли частое причастие. Николай Кавасила, ученик Ксанфопулов, утверждал, что именно через евхаристическое причастие верующие получают оставление грехов (Цит. по: Getcha, 2022, p. 15). Симеон Солунский призывал священников совершать литургию ежедневно, чтобы все христиане могли причащаться как можно чаще: «И не бойтесь причащаться Жизни, как некоторые безрассудно боятся, говоря “чтобы не умереть”. Вы скорее умрёте, если не будете принимать страшных Таин, ибо они – ваша жизнь, сила, мощь и путеводитель в жизнь вечную» (Цит. по: Getcha, 2022, p. 16).

Таким образом, практика «сведения ума в сердце» и литургическая реформа представляют собой внутреннее единство. Сердечная молитва, поддерживаемая постом, бдением и частым причастием, формировала антропологический тип «литургического человека», у которого индивидуальное делание и соборное богослужение взаимно укрепляют друг друга. Это опровергает ложное представление об исихазме как замкнутой индивидуалистической аскезе и раскрывает его глубоко церковный характер.

Антиномический метод Паламы и его антропологические и культурфилософские импликации

Для Паламы антиномический метод является «критерием благочестия» и единственным адекватным способом выразить тайну Божественной простоты и множественности энергий (Zhukovsky, 2023, p. 705). Бог одновременно абсолютно прост и многолик (три ипостаси). Его сущность недоступна (апофатика), но энергии познаваемы и обоживают человека (катафатика). Как отмечает В. Жуковский, «это различие между сущностью и энергией не нарушает простоты Бога – оно есть “различие по-божественному” (*ἡ κατὰ θεὸν διάκρισις*), то есть антиномическое, сверхлогическое» (Zhukovsky, 2023, p. 708). Этот метод проецируется и на антропологию. Человек также антиномичен: он одновременно тварен и причастен нетварным энергиям, телесен и духовен. Сердце выступает той «точкой сборки», где эти разнородные уровни существуют «нераздельно и неслиянно». Как подчёркивает Жуковский, «антиномический метод служит единственным адекватным способом выражения простоты Бога и многогранности Его личностного присутствия в мире» (Zhukovsky, 2023, p. 705). Применительно к человеку это означает, что целостная личность не есть логический компромисс между телом и душой, а сверхрациональное единство. Как точно замечает Б. П. Вышеславцев, «сердце есть нечто более непонятное, непроницаемое, таинственное, скрытое, чем душа, чем сознание, чем дух. <...> Оно так же таинственно, как сам Бог, и доступно до конца только самому Богу» (1990, с. 64–65).

Культурфилософское значение этого метода огромно. Западная схоластика (Фома Аквинский, Дунс Скот) исходила из катафатической простоты Бога: любое реальное различие в Боге нарушало бы Его абсолютную простоту. Это порождало стремление к логически непротиворечивым системам в теологии, праве и политике – юридикзм, унификацию, индивидуализм. Восточно-христианская традиция, напротив, через антиномический метод Паламы утверждает «неразделимые различия»: единство не требует уничтожения многообразия (Zhukovsky, 2023, p. 709). Этот принцип воплотился в соборности, в симфонии властей, в иконическом богословии, где образ и первообраз различны, но нераздельны. Таким образом, антиномический метод задаёт цивилизационный код восточно-христианского мира, отличный от западного.

Русская религиозная философия унаследовала это понимание. Как показывают Р. А. Бурханов и О. В. Никулина, «символ “сердца” утвердился на Руси вместе с приходом Православия, через усвоение византийских святоотеческих текстов. В русской средневековой философии было разработано учение о кардиогнозии – особом метафизическом видении “сердца”, объединяющем ум и чувства человека» (2025, с. 423). О. С. Климов добавляет, что «паламизм стремился к созданию единого государства, которое бы объединило всех православных от Византии до Руси и Литвы» (2018, с. 1510). Эта идея вселенского единства, не уничтожающего многообразия, является прямым следствием антиномической антропологии и учения о сердце как центре соборной личности.

Синтезируя полученные результаты, можно утверждать, что учение о сердце и практика «сведения ума в сердце» не оставались уделом только монашеских кругов. Они пронизывали византийскую литургию, иконопись (символика Фаворского света), государственную идеологию (симфония властей) и народную религиозность. Базовый принцип этой культуры – преображение (*θέωσις*) человека и мира через благодать, доступную сердечно-очищенному уму, а не через рациональное преобразование природы или общества. Как отмечают Н. С. Жиртуева и А. Б. Русакова, «антропология исихазма основана на идее единства и целостности личности, центром которой является духовное начало, достигающее вместе с телом “обожения” (теозиса)» (2026, с. 194). Сравнение с западной схолистикой показывает, что там на первом месте стоит интеллектуальное постижение Бога через аналогию бытия, тогда как у Паламы – личная встреча с нетварными энергиями в сердце. Это различие на уровне антропологии порождает различие цивилизационных кодов: западный – правовой, институциональный, индивидуалистический; восточно-христианский – соборный, иконический, эсхатологический, основанный на антиномическом единстве многообразия. Таким образом, исихазм Григория Паламы следует рассматривать не только как богословское учение, но и как целостную философско-антропологическую парадигму, определившую духовный облик византийской и, через её посредство, русской цивилизации. Как подчёркивает С. С. Хоружий, «исихазм выступает как целостный способ существования христианского человека и, в потенции, даже общества» (2016, с. 33). В этом смысле «метафизика сердца» Паламы является не просто элементом истории идей, а живым философским ресурсом для современной антропологии и культурфилософии.

Заключение

Проведённое исследование показало, что в учении Григория Паламы «сердце» представляет собой онтолого-антропологическую категорию, в которой зафиксировано иерархическое единство тела, души и духа человека. В отличие от эмоционального или интеллектуального центров, сердце является средоточием ума и местом реальной встречи с божественными энергиями, что делает невозможным сведение человека к картезианскому. Это позволяет говорить о «метафизике сердца» как о самостоятельной философской парадигме, альтернативной западноевропейскому рационализму и дуализму.

Практика «сведения ума в сердце» была проанализирована не как психотехника, а как антропологический акт пересборки личности, в результате которого формируется целостный «умно-сердечный» субъект. Принципиально важно, что эта практика никогда не была замкнута на индивидуальном делании: она органично включена в литургический ритм Церкви и поддерживается таинствами, прежде всего частым причастием. Литургическая реформа исихастов, выразившаяся во введении неосавваитского типикона, усилении аскезы и евхаристической жизни, была прямым следствием учения о сердце и имела целью формирование «литургического человека», у которого внутренняя молитва и соборное богослужение взаимно обуславливают друг друга.

Антиномический метод Паламы, описывающий «нераздельное различие» сущности и энергий в Боге, будучи применён к человеку, раскрывает его как антиномическое единство тварного и нетварного, телесного и духовного. Сердце в этой перспективе предстаёт точкой сверхрационального синтеза, а сам метод оказывается ключом к пониманию восточно-христианской антропологии. На цивилизационном уровне антиномический метод задаёт матрицу, основанную на принципах преображения, соборности и антиномического единства многообразия, в отличие от западной матрицы с её доминантой рационального преобразования, юридикзма и индивидуализма.

Таким образом, «метафизика сердца» Григория Паламы является фундаментальной философско-антропологической парадигмой, определившей культурный код византийской и русской цивилизаций. Её значение выходит за пределы истории идей: она предлагает ресурс для современной философской антропологии – в осмыслении невербальных, созерцательных и интегративных измерений человеческого опыта, а также для разработки антиномических моделей личности, преодолевающих как редукцию к рассудку, так и иррациональный субъективизм.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с углублённым сопоставлением паламитского учения с русской религиозной мыслью (от Нила Сорского до И. А. Ильина), анализом его рецепции в современных психотерапевтических и антропологических практиках, а также с систематическим сравнением восточно-христианской и западноевропейской парадигм человека.

Материалы исследования | Research materials

1. Григорий Палама. Триады в защиту священно-безмолвствующих. М.: Канон, 1995.
2. Евагрий Понтийский. О молитве // Творения аввы Евагрия. М.: Мартис, 1994.
3. Иоанн Лествичник. Лествица. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2008.
4. Киприан (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. М.: Паломник, 1996.
5. Мейендорф И., протопресвитер. Жизнь и труды святителя Григория Паламы: введение в изучение. 2-е изд. СПб.: Византинороссика, 1997.

Источники | References

1. Бурханов Р. А., Никулина О. В. «Метафизика сердца» в русской философии: истоки и основоположения // Манускрипт. 2025. Т. 18. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/mns20250060>
2. Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4.
3. Жиртуева Н. С., Русакова А. Б. Теория и практика исихазма в современном опыте формирования личности и сознания человека // Вопросы философии. 2026. № 4.
4. Климков О. С. Византийский исихазм и русская религиозная мысль XV-XVIII вв. Beau Bassin: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2018.
5. Марков Б. В. Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993.
6. Фомин В. В. Антропологические взгляды святителя Григория Паламы в контексте его учения об умной молитве // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. СПб.: Социологический институт РАН, 2025. Вып. 5.
7. Хоружий С. С. Исихазм и культура // Культура и искусство. 2016. № 1.
8. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998.
9. Getcha J. The Hesychast Movement and the Liturgy // Studia Universitatis Babeş-Bolyai Theologia Orthodoxa. 2022. Vol. 67. No. 2. <https://doi.org/10.24193/subbto.2022.2.01>
10. Zhukovskyy V. The Antinomic Method of Gregory Palamas: Between Transcendence and Immanence, God's Essence and Energy, Single and Multiple Trinity // Verbum Vitae. 2023. Vol. 41. No. 3. <https://doi.org/10.31743/vv.16341>
11. Zozulak J. The Influence of Greek Spirituality on Russian Culture // Religions. 2021. Vol. 12. No. 7. <https://doi.org/10.3390/rel12070455>

Информация об авторах | Author information

Боровских Георгий Евгеньевич¹

¹ Сургутский государственный университет

Georgiy Evgenievich Borovskikh¹

¹ Surgut State University

¹ vicorle@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.05.2026; опубликовано online (published online): 23.09.2026.

Ключевые слова (keywords): Григорий Палама; сведение ума в сердце; метафизика сердца; византийская культура; литургическая реформа; Gregory Palamas; leading the mind into the heart; metaphysics of the heart; Byzantine culture; liturgical reform.